

МИХАИЛ ЛЕВИН,
профессор.
Пенсильванский университет,
Филадельфия, США

Режимы и исторические процессы в России XX в.

В наше время понятия "структура" и "процесс" не в моде. "Деструктуризация" — более популярно, а особенно употребляемым понятием является "после" (post): мы, мол живем после структурализма, модернизма, после логики и науки, после рационализма, гуманизма и вообще после истории. Забывая о том, что мы всегда живем *не только после чего-то, но и до чего-то*. Постмодернизм и ему подобные течения сходят со сцены, ибо не умеют даже поставить вопрос: "До чего?" Огромные перемены, происходящие вокруг нас, в которых довольно трудно разобраться, есть перемены именно структур. К этому понятию мы еще не раз вернемся.

Во многих рассуждениях о советском периоде по разным причинам превалировало, с одной стороны, понятие "тождественности" или неподвижности системы на протяжении всего ее существования, *что у многих стало почти символом веры*, с другой — и у друзей, и у врагов — преобладало внимание к вождям, к идеологии, к террору (режиму). Они казались главными факторами, решающими судьбы страны.

Слишком часто вне поля зрения до сих пор остаются:

а) состояние социальной сферы и огромные перемены, которые происходили в ней в XX в.;

б) состояние, тенденции и стихийные перемены, происходившие в среде исполнителей государственной политики, а именно, в среде

бюрократии и ее разных слоев, превращавшихся постепенно из исполнителей в суверенов государственной системы.

Политика, намерения и деятельность властей создавали немало фактов, открывали или закрывали цепи исторических происшествий, но режимы не только вершили судьбы. Не в меньшей мере — со временем даже в возрастающей степени — решались и их собственные судьбы.

Если все это так, если был сложный *ход*, иногда даже *без* истории, то внимание к одним вождям и политике ничего не может объяснить. Суть дела в том, что решения, планы, кампании, приказы "фильтровались" социальной средой — общественными классами и самой бюрократической средой, и поэтому одно дело приказы, а другое — результаты. Приказы и указы — только часть всего рассказа, причем порой очень скромная. Здесь уместна польская пословица: "Стреляет мужик, а пули направляет Господь Бог". Огромные и сложные события, влияющие на ход истории, формируют и личности, и целые системы, и политические режимы, являющиеся ответной реакцией всех слоев населения на условия их жизни, в ходе этих процессов складываются нормы поведения, образ мышления. Добавим, что необходимо учитывать и элементы "повседневности": быт, устойчивость традиций, мощные волны кризисов (своих и унаследованных). Вместе с тем мы не исключаем политические процессы, а вводим их в контекст и включаем в результаты, т.е. не только в то, что "вошло", но и в то, что "вышло". Между ними проходят анонимные, сверхмощные процессы. Это не означает какой-то "прямолинейности" — процессы не шагают "нога в ногу": существуют спады, повороты, вывихи. Так на каком же основании советский период должен быть "освобожден" от этих явлений и факторов такого рода?

Этапы социальных перемен

Перечислим этапы социальных перемен, характерные для XX в., т.е. происходящие процессы и их последствия, которые здесь выбраны для иллюстрации.

1. В период царствования Николая II преобладающим был "аграрный комплекс" ("nexus"). Его слагаемые: крестьянство (оно же и "штыки" режима), дворянство и царский двор (они же и генералы, и министры, и высшие кадры, являющиеся опорой самодержавия).

В этом нексе уже в то время было немало опасных трещин, которые углублялись под влиянием растущего капитализма (носителя современной экономики и новых социальных слоев). Сосуществовали современные банки и корпорации с ярмаркой, с сохой, с "держимордами", т.е. преобладала "многоукладность" (очень удачный термин).

Отметим еще и кризисное состояние экономически отсталой системы, не справляющейся, например, с задачами обороны огромной территории, но и не умеющей (или не могущей) отключиться от современных империалистических игр. Некоторые утверждают, что лоскутное дореволюционное общество постоянно находилось на грани распада, ибо не имело объединяющих спаек. Это несерьезно. Соединяющих обручей было достаточно — вопрос в том, когда и почему они стали сдавать.

2. В 1914—1921 гг. произошли события, источником которых и был сложный кризис старой системы. Без этого 1917 г. не мог бы состояться. Это годы очень болезненного попятного движения общества, его "архаизации". Теряются многие и отсталые и передовые секторы, происходит частичная деурбанизация и деиндустриализация, а на первое место в социальном плане выходит крестьянство — многострадальное, но в то же время лучше, чем жители города, приспособленное к выживанию во время катаклизмов, таких как гражданская война.

3. Нэп (и опять — крестьянство) дала стране возможность восстановить свою "биологию". Планово-рыночная система (в свое время — мировая "сенсация") способствовала экономическому возрождению и в некоторых кругах даже начала превращаться в идеологическую программу. Крестьянство и крестьянский характер страны — это преобладающий социальный фон нэпа. Бюрократия тоже начинает крепнуть, но пока она еще очень далека от того "осьминога", которым станет лет через 40. Пока что "красные директора" шагают в не всегда удобной упряжке с "буржуазными специалистами". В аппарат приходят многие "плебеи". Пользуюсь этим термином преднамеренно, поскольку это люди из более или менее малообразованных классов, и в этом — сила режима и одновременно его слабость. Это кадры преданные, но не опытные, не профессиональные. Государственную машину, на первый взгляд, строили эти "плебеи" под руководством революционеров, а фактически — специалисты с дореволюционным опытом. Другого опыта не было никакого, поэтому практика, методы старых, авторитарных структур, бюрократическая традиция свободно переходят через революционный перевал. Тут уже намек на цепкость консервативных административно-бюрократических структур. По-видимому, похожее случилось и с более образованными кадрами. Прямые правящие классы ушли — бюрократические структуры продолжали существовать.

Дальше, несмотря на то, что часть интеллигенции погибла или эмигрировала, небольшие, но очень творческие сектора культуры впечатляют на фоне крестьянско-плебейской страны. Напрашивается сравнение с Веймаром, хотя там фон другой — это отдельный разговор. Сама партия еще пока сохраняет свои старые кадры и свой

характер политической элиты. Но ненадолго. Относительный социокультурный плюрализм, царящий в стране, из самой партии усиленно изгоняется. Оппозиции одна за другой изживаются, в партии разворачивается монолитизм, засилие аппарата (все это известно). Но добавим, что фактически происходит глубокое идеологическое "перебазирование" и утрата функции политики. Это их "смена вех". Слой созидателей выталкивается, уничтожается или перемалывается. С ним уходит со сцены довольно быстро и "большевизм" — понятие, которым многие пользуются неправильно.

"Восстановление" экономики страны является несомненно достижением, но здесь есть своя теневая сторона. Можно сказать — драматичная. Страна успешно двигалась, в некотором смысле, к уровню 1914 г., лежащему позади, в то время как "Запад", преодолев послевоенный кризис, до конца 1929 г. переживал экономический подъем. Отсюда опасность углубления отставания России. Понятия "отсталость", "отставание" — всегда относительные, но тем не менее роковые.

Пятилетка — ответ на сложный клубок проблем

Подчеркнем, насколько важен всегда именно "клубок" или лучше контекст движущихся кризисоносных явлений, создающих напряженность в обществе, которую для иллюстрации можно сравнить с геологическими процессами: огромные пласты раздвигаются или надвигаются один на другой. Похожи на это и социальная напряженность, и сложности, которые возникают, когда в ключевых сферах общества, экономики, политики наблюдаются тенденции "развилочные" или противоположные. Другая версия такой же разлаженности как в направлении, так и в интенсивности перемен, — когда в целом идет, скажем, экономическое развитие, но в одних сферах очень быстрое, а в других — такое медленное, что внешне это выглядит так, как будто бы в них движения совсем нет.

Такого рода "политическая геология" толкнула "заадминистрированную" партию в конце 20-х годов на политику "скачка" или "шоковую" политику (ее не назовешь "терапией"), которую подхлестывал то кризис на Западе с 1929 г., то новые опасности со стороны Японии или Германии, или с обеих сторон.

Политика пятилеток была мировой "премьерой". Внутри страны на время возникла огромная текучка. Массы людей или шли, или удирали, или выслались на стройки, в города, в школы и на курсы, в ссылки и лагеря. Огромная строительная работа чередовалась с разгулом террора. В этом — "классическое" родимое пятно сталинизма: модернизация, сочетающаяся с примитивизмом (архаизмом), социальное продвижение — с закрепощением — в том числе и по отношению

к растущему классу начальства, который подкупают привилегиями и в то же время беспощадно расстреливают. Своеобразный режим "сталинизма" совмещал в себе две версии или две "логики" государственного управления. Одна — бюрократически административная, заинтересованная в предвидимых процедурах, в рутине, в возможности спокойно управлять; вторая же — мобилизационная, кампанейская, штурмовая, "нажимная" и террористическая.

Пятилетка, как и введение нэпа, была тоже мировой сенсацией, особенно на фоне мирового "большого краха". Россия быстро входит в современный ей XX в. Это многих в стране мобилизует, воодушевляет. Но это она делает, так сказать, одной ногой. Второй ногой, ногой политики, полицейско-деспотической государственной системы Россия шагает назад, в какой именно век, не скажешь.

Напомним, что в невиданно короткий срок восстанавливается обороноспособность страны, которую царская Россия утерьяла. Мы не забываем и здесь "двуликость" сталинизма, который уничтожил лучшие военные кадры накануне той войны, к которой страну готовил.

Но вернемся опять к бюрократии. В сталинское время она очень быстро растет, но она имеет еще мало стажа, она неопытна и поэтому социально и политически хрупка. Более опытные верхи перетряхиваются чистками. Сама партия, включая ее аппарат, фактически потеряла власть. При "культе" они такие же исполнители и так же уязвимы, как и госаппарат. Никто не подозревал, что после смерти Сталина именно бюрократия (точнее ее верхи) станет могильщиком сталинизма, ибо в постсталинский период бюрократическая машина окрепла, и верхи ее прочно утвердились именно там, в верхах. Все те черты сталинизма, которые ей мешали работать, спокойно спать, управлять страной и наслаждаться властью, были отброшены. Хрущев возродил и партию, и ее власть, правильнее сказать — лидирующую позицию партаппарата и партверхушки. Но ненадолго. Процессы в среде гос- и партаппаратов вели к слиянию их верхушек так, что ключевая партбюрократия (малое колесо) стала частью большого колеса. Номенклатура работала в обоих направлениях — это меч обоюдоострый. В этом смысле партия опять потеряла власть. Так как она не возродилась как партия политическая, она перестала давать лидеров, способных сформулировать программы действия и заставлять государственную машину проводить их в жизнь. Начался застой и вереница полумертвых и умирающих генсеков. Положение сверхдержавы позволяло скрыть тот факт, что повторялось старое явление: Россия достигла мировых позиций, не имея для этого соответствующей технико-экономической базы.

Уместно отметить еще один важнейший феномен, а именно городское общество, которое быстро, хотя и противоречиво, стало развивать-

ся в 30-е годы. После войны этот процесс пошел огромной стихийной лавиной и переделал тысячелетнюю крестьянскую социальную структуру страны в преимущественно городскую. Это — ключевой цивилизационный сдвиг, ко всему прочему очень болезненный, с несколькими вывихами. Новая городская система не успела или не смогла окрепнуть к тому моменту, когда старая система не могла уже функционировать и распалась, оставляя за собой многие из своих элементов. Городская среда не была еще достаточно зрелой для того, чтобы успешно породить новую эффективную экономику и государственность. В этом, может, и состоит диагноз нынешнего этапа.

Проявления широкого фона этого типа явлений в их взаимодействии выливаются в процессы, т.е. понятие гораздо более широкое и сложное, чем та или иная политика, поступки или преступления. Действия политических руководителей и обслуживающих их административных структур в их сумме тоже подвергаются воздействию процессов, которые переплетаются с переменами в социально-экономической среде, преломляются через культурные традиции и вписываются в ход истории и как субъекты, и как объекты влияний. Бюрократия сама по себе — и сложная, разветвленная социальная среда, и носитель развивающейся государственности. Она прошла в России через этапы, которые привели ее к полному господству в системе. Она стала ее олицетворением. Она сумела, как мы сказали, ассимилировать руководителей системы, которые стали ее прямыми представителями и вместе с ней проводили угодную ей политику. Никто уже не смог больше заставить огромные ведомственные "удельные княжества" проводить государственную политику. Тем более, что не стало руководства, которое умело бы такую политику сформулировать. Историки государственной бюрократии разных стран заметили, что она по существу очень консервативна и ей очень тяжело дается приспособление именно к быстрым социальным и технико-научным переменам. От этого она всегда отстает. Начало советской истории дает возможность скорректировать этот взгляд (ибо советская административная система обладала сначала большой динамикой, которую стоит проанализировать), но потом она тот же взгляд подтверждает. Советская бюрократия все более тяжелела от избытка власти, отрывалась от общественных интересов и не смогла приспособиться ни к своему быстро растущему городскому обществу, ни к мировому процессу так называемой научно-технической революции.

Ключ к пониманию растущего склероза — в самом принципе монополии. Авторы социальной фантастики (Замятин, А.Гексли, Оруэлл) пророчили, что такая монополия создаст полное порабощение личностей и их превращение в нумерованных винтиков. История в конечном счете распорядилась иначе. В монопольной государственной

собственности на все и вся была заложена тенденция к фрагментированию центра и всей системы с последующей потерей контроля, вместо превращения центра в кошмарного сверхконтролера. Стихийные процессы внутри аппарата и в его взаимодействии с социально-экономическими сферами работали против системы. Нескончаемые списки недостроенных и бездействующих строек, упадок эффективности капитальных вложений, растущая энерго- и материалоемкость продукции свидетельствовали о нарастающем разбазаривании ресурсов. В то же время ущерб, нанесенный культуре пропагандистским примитивизмом, содействовал полной безжизненности официальных идеологий. Внутренняя логика бюрократических интересов вступила в коллизию с логикой экономической, политической и даже самой административной деятельности. Советская политическая система потеряла способность к политике. Она стала работать на разрозненные структуры, на свое бюрократическое нутро. А это, оказывается, не проходит даром. Система стала анахронизмом и умерла. Ее никто не свергал. Она пала сама. В XX в. с российским обществом такое случалось несколько раз и может случиться еще раз. Тем более, что тот основной диагноз исторического момента, согласно которому прежняя система уже не могла, а исторически сравнительно новая социальная городская среда еще не сумела воссоздать жизнеспособную систему, пока остается в силе. Это выражается еще и в том, что способность выдвигать талантливых политических лидеров, которую партократия потеряла, пока еще не возродилась.

Итак, советская система пала, но министерства, большие производственные агрегаты (и их аппаратчики) остались. А с ними — и идеология "государственности", которую можно подавать под любым соусом. Способность бюрократии отстаивать в первую очередь ведомственные и свои личные интересы остается. И если не воссоздастся политическая сила, которая сможет заставить ее служить, то будут продолжаться и бюрократическая феодализация государства, и связи бюрократии с теневыми фигурами. Сама бюрократия выдвигает, в лучшем случае, способных администраторов. Крупных политических лидеров она не дает — это правильно и по Веберу, и по историческому опыту. Им надо давать задания, а не просто власть, на которую бюрократы очень падки. Это могут сделать только политические силы и их лидеры.

Откуда они могут появиться? Вебер рассчитывал на харизматическую фигуру как ключевую форму лидерства, и такая могла появиться только через школу парламента. Харизматический лидер в сложной ситуации всегда находка, но перед Россией стоит другая проблема. "Харизматического" лидера может унести одна пуля. Здесь нужен *политический класс* разных уровней — местных, национальных, — а если это так, то кажется, что надежд сейчас

нет. Но в действительности все не так беспросветно. Ибо неправильно, что политических лидеров дает только парламент. Но как и где, каковы кухни, на которых они готовятся — это особая сложная проблема.